

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Институт экономики, управления и права**

Н.Д. ПОСТНИКОВ

УБИТЫЕ НА РАВКЕ

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

**Москва
2018**

УДК 355.4 Печатается по решению Ученого совета
ББК 63.3(2)524 Института экономики, управления и права МГОУ
П63

Рецензенты:

И.Б. Орлов – доктор исторических наук, профессор, заместитель
руководителя департамента политической науки Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

В.Л. Телицын – доктор исторических наук, профессор,
научный редактор издательства «Собрание»

Постников, Н.Д.

П63 Убитые на Равке : монография / Н.Д. Постников. – 2-е изд.,
испр. и доп. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – 296 с.
ISBN 978-5-7017-2925-2.

В книге на основе использования значительного комплекса источников (архивных документов, фронтовых писем, дневников, мемуаров, периодической печати) рассказывается об одном из самых кровопролитных сражений Первой мировой войны, произошедшем в январе – начале февраля 1915 года западнее Варшавы, на реке Равке, в так называемом «Болимовском мешке». Анализируются события, предшествовавшие сражению, планы русского и германского командований, повествуется о мужестве и героизме русских солдат и офицеров, сражавшихся за ключевые пункты обороны деревни Гумин и Воля Шидловская.

Книга рассчитана на специалистов и всех, интересующихся историей Первой мировой войны.

УДК 355.4
ББК63.3(2)524

Все материалы публикуются в авторской редакции.
За содержание материалов ответственность несёт автор.

ISBN 978-5-7017-2925-2

© Н.Д. Постников, 2016

© Н.Д. Постников, с изменениями, 2018

© Оформление. ИИУ МГОУ, 2018

УБИТЫЕ НА РАВКЕ

Солдаты, погибшие за Родину,
теряют свою жизнь,
но не теряют своего имени.

Посвящаю памяти своего прадеда Постникова Д.Н.
и всех русских солдат,
сражавшихся и павших на Равке
в декабре 1914 - январе 1915 года.

ГЛАВА 1

Хотите знать всю правду о войне?
Её можно узнать только через жизнь на передовой.

Ноябрь 1914 года. Восточная Пруссия. Позиция 98-го пехотного Юрьевского полка в двух километрах восточнее города Даркемен⁴.

В тот год поздняя осень в Восточной Пруссии выдалась ненастной. Случалось, целыми днями, не переставая, шли унылые осенние дожди, и думалось, не будет им конца. Но после десятых чисел ноября подули пронизывающие северные ветры. Наступило предзимье. И вот в короткие, хмурые ноябрьские дни уходящая осень и наступающая зима столкнулись в природной круговерти, и в этом противостоянии, как солдаты в бою, казалось, никак не хотели уступать друг другу. Затяжные оттепели сменялись неожиданными морозами, и тогда вездесущая липкая грязь разъезжих дорог каменела от холода и покрывалась инеем. Снегопады, метели и вьюги, сглаживая всё вокруг, довершали дело, заноса просторы Восточной Пруссии белыми снегами. И русским войскам, вступившим в эту немецкую провинцию, приходилось то в грязи на пронизывающем осеннем холоде, то в снегу, на морозе продвигаться с боями вперёд, постепенно тесня части 8-й германской армии на запад. В этих боях, начиная с октября 1914 года, в составе 25-й пехотной дивизии участвовал

98-й пехотный Юрьевский полк⁵. В ноябре полк занимал участок фронта в двух километрах восточнее города Даркемен⁶ и уже привык к окопной жизни, полной грязи, крови и лишений. Жизнь на передовой поздней осенью для солдата – это одно долгое и суровое испытание. Стоит только вчитаться в строки воспоминаний и в письма с фронта, чтобы понять это. «В течение трёх недель (в ноябре месяце – *Н.П.*) были непрерывные морозы. У солдат кроме их обычных шинелей ничего тёплого не было; массой выбывали из строя совершенно здоровые, но с отмороженными руками и ногами⁷. <...>Сон, несмотря на самую большую усталость, при таких условиях на холоде почти невозможен, поэтому нельзя смотреть на нашу пехоту иначе, как на мучеников первых времён христианства»⁸. «В низине не выкопать ров и на локоть глубиной, как проступает вода. Поэтому приходится постоянно стоять в воде, днём и ночью, и снять обувь нельзя, потому что потом её не оденешь. Вода пропитывает кожу сапог насквозь и размягчает её. Холодно. Так холодно, что кости ломит, и стоять на ногах уже не можешь, тогда отправят в госпиталь. А там, где окопы в высоких местах, как внезапно ударит мороз и ноги обморозил – будь здоров – возьмут, правда, в госпиталь, но с ногами можешь попрощаться! Отморозит себе солдат пальцы, а часто и всю ступню. О ревматизме суставов и об отморожении ног, а чаще всего об ампутации ног, много могли бы рассказать врачи из военных госпиталей»⁹. Другой очевидец писал в своём письме с передовой: «Завтра возвращаемся в немецкую землю. Стоим мы там вёрст за 15 от г[орода] Ангербурга¹⁰. Целый месяц войска роются в вязкой грязи, пробивая траншеи по направлению к укрепившемуся врагу. Измучились солдаты ужасно. Чуть прислоняться во время работы к стенке окопа, так полусидя и засыпают»¹¹.

Солдаты на передовой подолгу находились в сырых окопах, залитых промозглыми до остервенения осенними дождями и ледяной водой, которая уже не принималась стылой землёй, и в одно по-ноябрьски тусклое холодное утро замерзала, превращаясь в лёд. Но и тогда не приходило облегчение, потому что теперь солдаты лежали «прямо на льду»¹² и накрыть его было нечем, а им приходилось ещё воевать, отбивая атаки германцев, выполнять ежедневно сотни обязанностей, связанных с тяжёлым солдатским трудом. Командир 1-го батальона Юрьевского полка подполковник Д.Н. Постников¹³, с первых дней войны находившийся на фронте, как никто другой хорошо знал тяготы солдатской окопной жизни, понимал их, и делал всё, что мог, чтобы облегчить участь солдата на войне. Но в черте его батальона не было в достатке ни досок, ни соломы, чтобы застелить ими окопы¹⁴. По этой земле уже дважды за последние три месяца прошла война, разорив её¹⁵. Знал об этом и командир роты штабс-капитан П.Н. Сергеев¹⁶, приславший Д.Н. Постникову донесение, которое, теперь прочитанное подполковником, белело листком казённой

блокнотной бумаги на столе в крестьянском доме немецкой деревни Халлвишкен¹⁷, приспособленным под штаб батальона.

«Кому К[оманди]ру 1 бат[альона] 98 п[олка]

1914 г. 14 ноября 11 час[ов] 30 мин[ут] утра.

№3. Из окопов.

<...>Не найдёте ли возможным потребовать, чтобы через Штаб полка привезли соломы. <...>В окопах голая земля и снизу выступила вода, которая замёрзла и люди лежат прямо на льду. Досок поблизости мало, на все окопы для пола не хватит, солома необходима.

Шт[абс]-Кап[итан] Сергеев»¹⁸.

Пробежав глазами донесение ещё раз подполковник, не добавив больше ни слова, отправил его командиру полка¹⁹.

Как всё-таки безжалостно распоряжается война судьбами людей. Раня, калеча, убивая их. Но порой по какой-то неведомой никому страшной и неприемлемой логике вдруг возвращает оставшихся живых туда, где они уже воевали, поднимались в атаку, теряли своих боевых товарищей. Так было и с Д.Н. Постниковым. Эти места были знакомы ему ещё по августу, когда он после начала наступления 8-й германской армии с остатками своего батальона пробивался здесь с боями из окружения²⁰. В октябре наступая на Даркемен, он вновь очутился со своим батальоном на шоссе, по которому отступал тогда, и ему на мгновение даже показалось, что он узнал и дорогу, и лес, где его батальон совершил ночной прорыв, выходя из окружения. Так война, сделав оборот своего кровавого колеса, вновь вернула сюда его батальон, казалось, только для того, чтобы смерть в новых боях смогла забрать те человеческие жизни, которые не добрала тогда, в августе. За окном была слышна стрельба. Это засевшие в деревнях Клейн Даркемен²¹ и Штрёпкен²² немцы обстреливали батальонные «окопы с крыш домов»²³. И в это мгновение, возможно, смерть как раз и довершала своё чёрное дело, отнимая солдатскую жизнь.

Позиции батальона подполковника Д.Н. Постникова сегодня, как и все предыдущие дни, начиная с 13/26 ноября²⁴, когда 98-й Юрьевский полк сменил в окопах части 29-й пехотной дивизии²⁵, обстреливались противником из стрелкового оружия, пулемётов и тяжёлой артиллерии. Эти обстрелы, не переставая, длились уже несколько дней, но они не отличались ни своими масштабами, ни своей интенсивностью²⁶. В те дни в Восточной Пруссии командованием Северо-Западного фронта была предпринята попытка вновь овладеть этой германской провинцией, утраченной в августе 1914 года. Но столкнувшись с упорным сопротивлением противника, части 10-й русской армии²⁷ упёрлись восточнее реки Ангеррап и Мазурских озёр в хорошо укрепленные позиции немцев, и бои здесь всё больше приобретали позиционный характер. Несмотря на это командующий 10-й армией генерал Ф.В. Сиверс²⁸ приказал захватить передовую оборонительную линию противника²⁹. Во

исполнение этого приказа около 10 часов утра 15/28 ноября 1914 года по скованному, после оттепели лёгким утренним морозцем³⁰, ледяной коркой неглубокому, рыхлому снегу 98-й Юрьевский полк пошёл в атаку на немецкие позиции расположенные у деревни Клейн Даркемен. Эта атака была плохо подготовлена и обречена на провал. На направлении главного удара, наносимого полком, отсутствовала необходимая концентрация войск и не была проведена артиллерийская подготовка. Роты батальона Д.Н. Постникова, растянутые по фронту на несколько сот метров³¹, должны были идти в атаку под артиллерийским и пулемётным огнём немцев, отдавая ни за что свою жизнь, прокладывая своими телами дорогу к вражеским окопам через ряды проволочных заграждений³². Вечером, после неудачно проведённой дневной атаки, именно об этом Д.Н. Постников доложил командиру полка полковнику А.В. Желтышеву³³. «Впереди (наших окопов – Н.П.), – писал подполковник, – ряды проволочных заграждений и проволочных заборов. Получив приказание наступать, я приказал двигаться 2 роте, которой одно отделение заняло высоту, и туда был вытащен пулемёт и был открыт огонь, что сейчас же был обстрелян (из орудий – Н.П.) бризантными гранатами³⁴ и шрапнелями. В отделении 1 уб[ит] и 3 ран[еных]. Если бы сразу была выдвинута рота, то она понесла бы громадные потери, совершенно не производительные. Что касается выполнению данной мне задачи, атаковать (двум ротам), то атаковать такой большой фронт считаю не возможным»³⁵.

16/29 ноября 1914 года. 5 часов утра. Окопы 98-го Юрьевского полка между деревнями Грюнвальд³⁶ и Штрёпкен. Восточнее города Даркемен.

Дневной штурм немецких позиций не принёс результата, поэтому в ночь с 15/28 на 16/29 ноября, 2-му и 4-му батальонам 98-го Юрьевского полка при поддержке 1-го батальона 97-го Лифляндского полка было приказано совершить ночную атаку и, выбив немцев из Штрёпкена, закрепиться на новых рубежах³⁷. К пяти часам утра³⁸ в темноте ноябрьской ночи роты 4-го батальона капитана Гернета изготовились для атаки. Им предстояло наступать в первой линии и прорывать фронт. Следом шёл 2-й батальон под командованием подполковника Я.И. Энгельмана³⁹. Котелки и солдатские мешки были оставлены в окопах⁴⁰. За спиной оставалась деревня Грюнвальд⁴¹, впереди были невидимые немецкие окопы. Командование решило совершить атаку без артиллерийской подготовки, неожиданно обрушившись на немцев. Слабый ночной мороз охлаждал щёки. Воздух был пропитан сыростью, и от этого было промозгло и зябко. Пахло зимой. В отдалении, впереди ротных цепей, стояли разведчики и солдаты с ножницами для резки колючей проволоки⁴². К удивлению, их тёмные фигуры на фоне белого снега были почти не видны во мраке безлунной ночи. Наступили последние минуты перед атакой, для многих замерших в немом и тревожном ожидании солдат и офицеров последней в

их жизни. Но кто мог знать об этом, ведь на войне в свою смерть никто не верит, все надеются, что останутся живы.

В 5 часов 30 минут утра⁴³ раздалась команда «в атаку», и роты, соблюдая тишину и осторожность⁴⁴ под покровом ночи, продавливая ногами ледяную корку снежного наста, который предательски хрустел, казалось, на многие метры вокруг, двинулись вперёд, на немецкие позиции. В это мгновение судьбы этих людей оказались спрессованы в одно неразрывное целое. Когда солдаты с ножницами подошли к рядам колючей проволоки и стали проделывать проходы, всё было тихо. Но тут немецкое сторожевое охранение открыло сильный огонь, вздыбилась и загудела земля от разрывов ручных гранат⁴⁵. На снег и колючую проволоку навзничь падали убитые и раненые. В небо взметнулись немецкие осветительные ракеты⁴⁶, запылали костры, вспыхнул луч прожектора, осветив поле боя⁴⁷. И немцы увидели выхваченные из тьмы, идущие на них русские цепи. Но ротам 4-го батальона капитана Гернета хватило и этого малого времени, чтобы броситься, с криком «Ура»⁴⁸ через проделанные проходы на немецкие окопы и ворваться в них. Немцы, не выдержав стремительного натиска русской пехоты, бежали. И пока они убегали, им стреляли в спины. Солдаты падали, сражённые наповал. На войне нужно убивать или быть убитым, а не думать, что стреляешь в спину убегающему врагу, который сделал бы то же самое, будь он твоём месте. Такова суровая правда войны. Те, кто оказал сопротивление, были убиты, переколоты штыками, взяты в плен. Не останавливаясь, «юрьевцы» продолжили наступление. Они вбежали на заснеженные улицы разрушенного Штрёпкена и тут же залегли, остановленные шквальным пулемётным огнём. Но это было только минутное замешательство. Используя укрытия и стены домов, солдаты вновь ринулись вперёд. Бой был скоротечным. Пулемётные гнёзда были уничтожены. Немецкие пулемётчики, уже понимая, что погибнут, не отступили, и были все перебиты в короткой и яростной рукопашной схватке, стреляя в русских солдат до последнего⁴⁹. Батальон капитана Гернета одним броском выбил немцев из деревни, перевалил через полотно железной дороги и занял рубеж перед Штрёпкеном.

Было ещё темно, когда стих бой⁵⁰. Солдаты и офицеры Юрьевского полка, разгорячённые, потные, тяжело дышавшие от усталости, переводили дух, укрепляясь на захваченных позициях. От их мокрых голов и из нутра расстёгнутых шинелей на морозном воздухе валил пар, уже заметный в сизой предутренней мгле. Они выполнили поставленную задачу. А слева, за спиной, всё ещё звучала стрельба. Там роты 97-го Лифляндского полка так и не смогли ни преодолеть проволочные заграждения, ни захватить первую линию немецких окопов, и их атака захлебнулась. И теперь штурмующая цепь «лифляндцев» лежала, уткнувшись лицом в колючий, холодный снег в открытом поле, на

пространстве, простреливаемом «сильным ружейным и пулемётным огнём противника»⁵¹, не способная ни пошевелинуться, ни вновь подняться в атаку. Несогласованность действий атакующих колонн 98-го и 97-го полков стала тому причиной. 1-й батальон 97-го Лифляндского полка позже начал атаку. Батальоны капитана Гернета и подполковника Я.И. Энгельмана уже штурмовали немецкие передовые окопы, в то время как батальон Лифляндского полка ещё не достиг проволочных заграждений и, попав под шквальный огонь немцев⁵², теперь лежал, распластавшись перед немецкими позициями⁵³. И каждый солдат батальона, хотя и открыл огонь по противнику⁵⁴, но неосознанно поддаваясь инстинкту самосохранения старался сильнее вжаться в неглубокий снег, стать незаметным, лишь бы остаться живым.

Отсутствие чёткого взаимодействия между полками стало главной причиной такой несогласованности. Неужели, готовясь к ночной атаке, командиры полков не могли заранее определить расстояние между своими окопами и проволочными заграждениями противника, чтобы точно, до минуты просчитать время подхода к ним атакующих колонн и одновременно ударить по немцам? Почему такой временной раскладки не потребовал от командиров полков их непосредственный начальник, отвечающий за успех атаки, командир 1-й бригады 25-й пехотной дивизии генерал Д.К. Гунцадзе?⁵⁵ Почему не было обеспечено огневого прикрытия атакующим батальонам в случае неудачи? Почему, почему всего этого не было сделано? Вопросы, вопросы, вопросы, на которые не было и не могло быть внятных ответов, кроме одного мучительно тягостного – наличие преступной халатности командного состава дивизии и полков. Преступной халатности изначально обрекшей ещё не знавших об этом людей на гибель и смерть, а бессмысленную атаку на провал. Всё это привело лишь к одному: батальоны Юрьевского полка, заняв Штрёпкен, оказались выдвинутыми вперёд и не защищены с левого фланга.

Во время атаки были захвачены два пулемёта и артиллерийская батарея⁵⁶. Капитан Гернет отправил один пулемёт в штаб полка. Он ждал подкрепления, ждали его и солдаты, но его всё не было, а время безвозвратно уходило.

За спиной, на востоке, свод неба стал заметно светлее, но воздух был ещё тёмным. Наступал блёклый ноябрьский рассвет. Из Штрёпкена тянуло гарью пожарищ. Слабый мороз постепенно отпускал⁵⁷. Контурные предметы в утренних сумерках становились всё резче, всё виднее. И вот стали заметны серые трупы немецких солдат. Ещё полчаса назад они были живыми людьми, а теперь их окоченевшие тела валялись на снегу перед позициями 4-го батальона, с вывернутыми головами, руками, ногами, в неестественных и поэтому противных самой человеческой природе поззах. Это был жуткий вид смерти и мертвецов.

Трупы лежали и в тех местах, где роты стали рыть окопы, с трудом вгрызаясь лопатами в промёрзлую землю⁵⁸, их только оттащили в сторону, чтобы не мешали. В этом и заключался весь повседневный ужас войны, когда человеческие чувства немеют, и солдат уже не видит трагедии в смерти, а в убитом немце человека, а только знает, что это враг. Враг, который всего лишь несколько минут назад поливал из пулемётов расплавленным свинцом наступающую цепь русской пехоты и стремился убить тебя, а теперь сам лежал мёртвым перед твоим окопом. Иначе человеку на войне нельзя, да и невозможно пережить всё увиденное. Иначе сойдёшь с ума.

Да и было ли солдату время подумать обо всём этом или о чём-нибудь подобном, когда в эти минуты наступающего тусклого ноябрьского утра даже не знаешь, а скорее чувствуешь всем своим существом, что сейчас германец пойдёт в атаку и надо готовиться к ней, не думая больше ни о чём. И от человека в этот момент требуется только одно, чтобы воля взяла верх над душевным потрясением, чтобы твёрдо встретить врага. Было по-предутреннему тихо. Это была мертвящая тишина. Тишина перед контратакой немцев. Сколько до неё было – десять, пятнадцать мучительных минут, полчаса –, кто знал? Подкрепление так и не подошло, и солдаты и офицеры двух батальонов Юрьевского полка поняли, что командование оставило их один на один с немцами, что их предали.

В 7 часов 30 минут⁵⁹ в предрассветной зыбкой мгле, когда цепи немецкой пехоты силами до двух рот⁶⁰, выйдя из своих окопов, двинулись на позиции 4-го и 2-го батальонов Юрьевского полка, их уже ждали и открыли огонь. Немцы, несмотря на губительный фронтальный огонь пехоты и пулемётов, упорно шли вперёд и, казалось, не замечали потерь в своих рядах. Они всё надвигались и надвигались, с каким-то невероятным упорством и нечеловеческим безразличием идя под пули, казалось, забыв, что они смертны. В это мгновенье среди наступающих на пулемёты солдат появляется особого рода отчуждённость и апатия. Идя в общем строю, они чувствуют своё единство, но стоит только потерям превысить какой-то неуловимый и несознаваемый никем предел, как это единство распадается и прекращает спланивать людей, и тогда атака захлёбывается, так было и на этот раз. Немецкие атакующие цепи, понеся в какой-то непонятный и страшный для себя момент критические потери, остановились, а потом стали отступать. Этот бой длился не более 10-15 минут, но для русских солдат они показались вечностью. Такова была эмоциональная сила нервного напряжения, которое, казалось, остановило время, когда немцы, презрев смерть, шли на русские пулемёты в полный рост. Атака неприятеля захлебнулась. И капитан Гернет успел отправить командиру полка сообщение, чтобы его поддержал 2-й батальон подполковника Я.И. Энгельмана в составе 6 и 7 рот, стоявший за ним уступом, с которым у капитана Гернета не было связи.

«Кому полковнику Желтышеву

1914 г. 16 ноября. 8 утра.

Занял батальоном деревню Строккен⁶¹, прошу 6 и 7 р[оты] поддержать. Капитан Гернет»⁶².

Когда капитан Гернет отправил сообщение, уже рассвело⁶³. И в этот момент немцы вновь пошли в атаку, охватывая позиции 2-го и 4-го батальонов с двух сторон, с северо- и юго-запада, пытаясь зайти им в тыл. С юго-запада двигалась колонна «не менее 1 ½ батальонов»⁶⁴. «Юрьевцы» встретили наступающих пулемётным и ружейным огнём. До роты немцев было убито⁶⁵ в первые же минуты боя. Но эти потери не остановили надвигающиеся немецкие цепи. Помощи не было. Русская артиллерия молчала. Ситуация становилась критической. Немцы заходили в тыл, окружая батальоны. Но русские отчаянно отбиваясь, держали свои позиции. И немецкая атака вновь захлебнулась. Тогда в 8 часов 30 минут⁶⁶ немецкое командование, боясь потерять темп атаки, ввело в бой свежие силы, «не менее 2-х батальонов»⁶⁷. Это был решающий момент. Два батальона Юрьевского полка, не получив помощи, были обречены и гибли в окружении на глазах командования 97-го Лифляндского, 98-го Юрьевского полков, дивизии. Это было предательство и подлость. Подлость людей, разработавших операцию по захвату Штрёпкена, бросивших эти два батальона Юрьевского полка в атаку на верную смерть, и если они сделали это из-за отсутствия профессионализма, не просчитав всех последствий операции, то это было подло вдвойне. Как они могли, как могли совершить такое и как солдаты, и как люди!

Сначала были окружены 9-я и часть 14-й роты⁶⁸. «Юрьевцы» бились до последнего, не сдаваясь, и когда поняли, что не удержат позиции, поднялись из укрытий и бросились в штыки на врага. Русские и немцы схватились насмерть. В бурлящем котле человеческих тел разыгравшейся рукопашной схватки, в грязном снежном месиве русские кололи штыками, били прикладами наотмашь в лицо, по глазам, куда придётся, и почти все погибли, захватив с собой на тот свет столько немцев, сколько смогли. Лишь немногим «юрьевцам» удалось прорваться к своим батальонам, которые отступили и теперь удерживали насыпь железной дороги⁶⁹. Но немцы после этой схватки не остановились, а, развивая наступление, плотными цепями двинулись к насыпи, прикрываясь сильным пулемётным и ружейным огнём. Казалось, остановить их было невозможно. Ружейный огонь «юрьевцев» «выбивал» германца, но его интенсивности было недостаточно. Немцы неумолимо надвигались.

Неожиданно, они замедлили своё движение. Оказалось, что штабс-капитан П.А. Воскресенский⁷⁰, взяв взвод с другого участка, пришёл на помощь ротам, удерживающим насыпь⁷¹. Этой задержки оказалось достаточно, чтобы батальоны, отстреливаясь, смогли начать отступление к полковым окопам по ничейной полосе, «неся огромные потери»⁷², пока не

упёрлись в проволочные заграждения. Противник двигался следом, стреляя в спину, точно также как и «юрьевцы» всего лишь час назад расстреливали отступающих из Штрёпкена немцев. Русские солдаты, скошенные пулемётным огнём, падали лицом в истоптанный шершавый снег, на колючую проволоку заграждений⁷³. Многие из них в это мгновение были уже мертвы. Казалось, оставшиеся в живых здесь и полягут.

Но вдруг заговорили два пулемёта 6-й роты, которая под командованием капитана К.Н. Лоренца⁷⁴ прикрывала отход батальонов. С расстояния в 100 шагов пулемётные очереди косили наседавших немцев, что позволило немногим одиночкам⁷⁵ пробиться к полковым окопам. Потом пулемёты замолчали. Командир роты капитан К.Н. Лоренц и вся пулемётная прислуга были убиты⁷⁶. И теперь 6-ю роту 2-го батальона подполковника Я.И. Энгельмана немцы расстреливали так же, как несколько минут назад расстреливали другие роты, отход которых она прикрывала. Глядеть на это было сверх человеческих сил. Тогда подпоручик Васильев, понимая, что от быстроты принимаемых им решений в это мгновение зависят жизни людей, гибнущих там, на ничейной полосе, у рядов колючей проволоки, взял на себя ответственность и приказал вытащить пулемёт на насыпь, чтобы открыть огонь по немецкой цепи. Это был отчаянный до безрассудства шаг, потому что немцы видели, как «юрьевцы» вытаскивают пулемёт и готовят позицию, а в этот миг русских и немцев уже разделяли какие-то десятки метров. И теперь всё зависело от расторопности и слаженности действий, хладнокровия и решительности пулемётного расчета, который уже явственно слышал сквозь шум боя короткие гортанные выкрики команд немецких офицеров, приближающиеся спешные шаги пехоты и тяжёлое, отрывистое дыхание немецких солдат. Тогда решалось, успеют ли пулемётчики открыть огонь, прежде чем их всех перестреляют, или же нет. В этот момент немцы были уже близко, на расстоянии всего лишь 50-60 шагов⁷⁷. Это совсем ничего. Ещё мгновение, и всё было бы кончено. Это мизерное расстояние можно преодолеть за несколько секунд. Можно, если только вдруг не натыкаешься на стену разящего пулемётного огня, огня который скашивает человеческие тела, как коса траву на летнем лугу. Как раз в этот неуловимый миг русский расчёт открыл огонь в упор по приближающимся немецким цепям. Как это стало возможно, когда уже были видны бледные, без единой кровинки лица немцев, их широко раскрытые, остекленевшие глаза, когда чувствовалась звериная ярость человека и его желание быстрее преодолеть спаянные смертью последние шаги, чтобы схватиться с врагом, а там уж кто кого. Это было поистине ужасно. Люди, сражённые очередями, падали в считанных метрах от пулемёта, но не сдавались и продолжали упрямо идти вперёд. Другие, у пулемёта, отчаянно отбивались. Это была настоящая бойня. И в этот малый срок, на этом ничтожном расстоянии, на

этом крохотном пятачке земли русские пулемётчики устояли и смогли остановить немцев, сумели отбить атаку. Немцы же, не выдержав, отхлынули, оставив здесь, на снегу, пропитанном кровью своих солдат, множество убитых. Так пулемётный расчёт подпоручика Васильева не только отбил атаку, проявив мужество, но и спас всех, кого ещё можно было спасти. Тех немногих солдат и офицеров 6-й роты Юрьевского полка, которые смогли под прикрытием пулемётного огня добраться до своих окопов. Наверное, то, что совершили в тот день капитан К.Н. Лоренц и подпоручик Васильев со своими пулемётными расчётами и принято называть подвигом.

Было 12 часов дня, когда бой прекратился. И только тогда к окопам Юрьевского полка подошла помощь – батальон резерва. Он был направлен командованием для удержания захваченных немецких позиций, но батальон опоздал⁷⁸. Приказ был отдан слишком поздно. И всё, что увидели прибывшие к траншеям 2-го и 4-го батальонов роты, – это припавшие к промёрзлой бугристой стене окопа застывшие и сгорбленные фигуры с серыми от усталости и бессилия лицами тех немногих солдат и офицеров двух батальонов Юрьевского полка, которые остались в живых после ночной атаки. Усталости, потому что не было больше сил шевелиться после того, как спало нервное напряжение боя. Бессилия, потому что они уже не могли вернуть своих павших товарищей. Взгляд их глаз был устремлен перед собой и полон боли и негодования. Негодования за эту бессмысленную бойню, устроенную командованием, за которую ему не было и не могло быть прощения. Боли от понимания того, что в их головах в эти самые минуты складывалась вся кровавая мозаика произошедшей на их глазах трагедии, ужасные картины которой солдаты хотели бы стереть в своём сознании, но те, помимо их воли, болью сами навсегда отпечатывались в их памяти до самой смерти, которая, быть может, многих ждала уже завтра в своих костлявых объятьях. И поэтому, зная и чувствуя всё это, тогда, в то мгновенье «юрьевцы», опустошённые боем, не могли заставить себя подняться на вдруг отяжелевших ногах и выглянуть из окопов. Это сделали за них солдаты подошедшего батальона резерва. Зимний ветер ударил им в бок. И они увидели перед собой белое пространство истоптанного снежного крошева, всё усеянное трупами русских и немцев. И в этих трупах уже не было ни подвига, ни героизма, а только ужас убитых тел. И у них всё похолодело и перевернулось внутри, потому что это и было истинное, уродливое лицо войны, лицо, в которое, преодолев себя, посмотрели солдаты. И они поняли, что сегодня война, пощадив, не убила их.

От обоих батальонов 98-го пехотного Юрьевского полка, участвовавших в ночной атаке, осталось всего около 50 человек⁷⁹. Погибло и было ранено 742 солдата⁸⁰. Капитан К.Н. Лоренц погиб, прикрывая пулемётным огнём отступление батальона. Было ранено и контужено шесть офицеров⁸¹.

Среди них штабс-капитан П.А. Воскресенский и подпоручик Васильев. Командиры 4-го и 2-го батальонов капитан Гернет и подполковник Я.И. Энгельман попали в плен⁸².

Батальон 97-го Лифляндского полка так и не смог подняться в атаку и пролежал весь день, прижатый огнём противника к земле в 300-400 шагах от его позиций. Только вечером, под покровом темноты, роты отступили с большими потерями в свои полковые окопы. В ходе боя один офицер батальона был убит, двое контужены, 192 солдата убито и ранено⁸³. Все они, солдаты и офицеры, участвовавшие в ночной атаке, проявили мужество и выполнили свой солдатский долг до конца, что нельзя сказать о командовании 25-й пехотной дивизии.

Бой за деревню Штрёпкен, начавшийся так удачно, в результате был бездарно проигран. Начальник дивизии генерал П.И. Булгаков⁸⁴ заранее тщательно, до последних мелочей не продумал план и организацию предстоящего боя, действовал без максимальной концентрации внимания, без инициативы, схематично, по инерции, без столь необходимого напряжения духовных и интеллектуальных сил. Он не смог насытить войсками линию атаки, создать необходимые резервы, чтобы вовремя выдвинуть их на помощь прорвавшим линию обороны противника батальонам, не просчитал ответные действия немецкого командования, а значит, не смог навязать противнику свою волю, свой рисунок боя, чем обрёл атаку на неудачу. Неудаче в немалой степени способствовали и отсутствие артиллерийской поддержки, и огня прикрытия, и неумение с выгодой для себя использовать местность, и несогласованность действий на уровне полков. При таких явных просчётах командования дивизии не могло быть и речи об удачном исходе боя.

Поэтому бой за деревню Штрёпкен, как это ни прискорбно, изначально был обречён на провал, ибо планирование наступательного боя – это в высшей степени искусство, в котором главным залогом успеха становится идеальная организация и безупречная слаженность всех частей участвующих в атаке. Было ли всё это сделано? Нет. Но даже это свершившееся было не самым страшным в трагедии, разыгравшейся в утреннем бою под Штрёпкеном, если не считать сотен убитых и раненых. Причины провала атаки лежали гораздо глубже. Они крылись в самой фигуре Начальника дивизии генерале П.И. Булгакове, в отсутствии у него тактических навыков, необходимого понимания оперативной обстановки и последствий, которые повлекут за собой принимаемые решения, и, в конце концов, подвигали к тяжёлой мысли об отсутствии личной, глубоко нравственной по существу, ответственности военачальника за исход каждого боя.

Бой под Штрёпкеном показал не только то, что планирование операции и управление войсками дивизии по вине её Начальника генерала П.И. Булгакова оказались не на высоте, но и то, что командование дивизии

в своём отчёте вышестоящему командованию намеренно⁸⁵ исказило ход боя, стараясь смыть с себя позор поражения и в целом снять ответственность за постигшую неудачу, что следует трактовать как должностное преступление⁸⁶, преступление, ценой которого стали сотни человеческих жизней.

Не с лучшей стороны в ходе боя проявил себя и командир 98-го Юрьевского полка полковник А.В. Желтышев. Командиры батальонов, атаковавшие в предутренней вязкой темноте позиции противника, не знали чётко своего манёвра, что привело к отсутствию в самый критический момент боя взаимодействия между батальонами, оставило их один на один с атакующим противником.

Все эти причины не позволили 1-му батальону подполковника Д.Н. Постникова прийти на помощь 4-му и 2-му батальонам полка. По замыслу командования 1-й батальон не участвовал в ночной атаке на Штрёпкен. Он должен был прикрывать правый фланг атакующих батальонов от возможного глубокого охвата противника с тыла⁸⁷, а при необходимости – поддержать батальоны Гернета и Я.И. Энгельмана огнём и манёвром⁸⁸. Но сделать это оказалось невозможно из-за пересечённой местности⁸⁹, что не учло командование, готовя ночную атаку на Штрёпкен. Подполковник Д.Н. Постников, следуя приказу, должен был со своим батальоном находиться на месте, не видя, как идёт атака, не видя, как гибнут батальоны. Но немцы не знали об этом губительном для русской атаки приказе и, стремясь не допустить удара во фланг своим перешедшим в контратаку частям, действуя согласно логике боя, открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь по позициям 1-го батальона, ставя перед собой цель сковать его действия, прижать к земле, что немцам и удалось добиться в полной мере⁹⁰. Об этом подполковник Д.Н. Постников сообщил командиру полка:

«Кому: Полковнику Желтышеву.

1914 г[од] 16 ноября 10 час[ов] 30 мин[ут] утра.

№44. Из Hallwischken.

<...>В 7 ч[асов] утра 16 ноября. 1-я рота на опушке леса в 500 ш[агах] от неприятельских окопов, 2-я рота – 3 взвод в цепи в 700 ш[агах].

<...>С 6 ч[асов] утра нахожусь под руж[ейным] огнём, а с 6 ½ под (артиллерийским – *Н. П.*) шрапнельным и бризантным.

Подполковник Постников»⁹¹.

Уже после боя подполковник узнал, что погиб капитан Константин Николаевич Лоренц, а командир 2-го батальона подполковник Ян Ильдефонсович Энгельман попал в плен. Наверное, для Д.Н. Постникова это известие было особенно печальным и горьким, ибо это были его старые боевые товарищи, с которыми он в августе 1914 года начинал войну, сражался плечом к плечу у Шталлупенена и Гумбиннена, отступал по дорогам Восточной Пруссии, пробиваясь из окружения⁹². Боевые

товарищи, которых теперь он потерял. И поэтому, думая обо всём случившемся в ночном бою под Штрёпкеном, разве можно было понять человеку, одетому в серую солдатскую шинель, почему командование дивизии отдало этот преступный приказ о неподготовленной атаке, взяв на свою совесть всю тяжесть смерти всех этих людей, солдат и офицеров. Людей, которые ещё несколько часов назад сидели в окопах и землянках и были полны жизни, а теперь лежали мёртвыми в занесённых снегом белых полях Восточной Пруссии. Людей, дома которых ждали родные и близкие. Ждали, ещё не зная, что они убиты, и всё ещё прося им жизни в своих думах о них. И неужели погибнуть здесь, под небольшими немецкими деревнями Штрёпкен и Клейн Даркемен по воле бездарного командования, и было их человеческим предназначением на этой Земле? Всё это не укладывалось в голове у оставшихся в живых солдат и офицеров Юрьевского полка, и от этого только рождало тяжёлые думы, злость и обиду и в их сознании, и в их душах. И разве после всего того, что произошло в то утро под Штрёпкеном, они не имели право так думать? И разве это не было их правдой?

А командование дивизии не сделало выводов из ночного боя за Штрёпкен, видимо, посчитав эту неудачу если не случайной, то вполне поправимой. Уже днём 16/29 ноября, сразу после того, как немногие уцелевшие солдаты двух батальонов Юрьевского полка вернулись в свои окопы, был отдан приказ о подготовке новой ночной атаки⁹³ на немецкие позиции по линии Штрёпкен - Клейн Даркемен силами 2-х батальонов 97-го Лифляндского полка, 2-х батальонов 100-го Островского полка и 3-х рот 98 Юрьевского полка⁹⁴. Атака должна была начаться в 5 часов утра 17/30 ноября с рубежа деревни Халлвишкен из расположения батальона подполковника Д.Н. Постникова⁹⁵. Но атака не состоялась. Батальоны и роты полков не прибыли вовремя, к четырём часам утра⁹⁶ на исходные позиции. А когда, с опозданием более чем на час⁹⁷, части всё же собрались на открытом пространстве, изготовившись для атаки, то уже занялся рассвет⁹⁸, и немцы, заметив их, открыли «губительный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь»⁹⁹. Элемент неожиданности пропал. Атаковать было бессмысленно. Понеся потери, части вынуждены были вернуться в свои окопы¹⁰⁰.

Невероятно. Но, как и сутки назад, командование дивизии опять совершило ту же ошибку. Из-за нарушения воинской дисциплины произошёл недопустимый сбой в организации атаки. Дважды за одни сутки. Это уже вызывало справедливый вопрос о способности командования дивизии управлять подчинёнными ему частями. Говорило об отсутствии у командного состава точной и зрелой военной мысли, таких необходимых умений, как правильный расчёт времени и обозначение ночью маршрута следования для своевременного выхода частей на рубеж атаки. И что самое печальное, вышестоящим начальством не было сделано

никаких выводов и никто не был наказан или отстранён от командования за эти просчёты. А ведь воинская дисциплина – это основа, главный закон армии, и её несоблюдение, особенно со стороны офицерского и командного состава, действует разлагающе на армию, что вдвойне опасно во время войны. И это не пустые слова. Вчитываясь в строки фронтовых писем и дневников, начинаешь понимать, что вирус разложения армейской дисциплины уже в конце 1914 – начале 1915 года проник в офицерскую среду, уже начал разъедать армию изнутри. «Я был (бы – *Н.П.*) очень благодарен маме, – писал некто Сеня в Москву в январе 1915 года из Гузова¹⁰¹ (Царство Польское – *Н.П.*) Е.О. Леве, – если бы она через Окунькова похлопотала за меня, чтобы меня устроили где-нибудь в России в штабе Округа, в запасных батальонах, в ратнических частях или на театре военных действий, но в тылу. Я страшно устал и хотел бы отдохнуть. Обидно сознание, что отсюда трудно выбраться, когда в России болтается масса офицеров с пустяками. Плужниченко до сих пор не вернулся, не вернулись Лускино, Мередиш и много других с пустяковыми болезнями. <...>Пиши чаще и постарайся устроить меня в менее опасное место»¹⁰². В другом письме от 25 декабря 1914 года неизвестный писал из Киева в Москву к некто Л.Ф. Юнкер: «Когда я ехал сюда (на фронт – *Н.П.*) у меня было хорошее настроение. Но, теперь, чем ближе я подъезжаю к полку, чем больше нахожусь в тылу, настроение падает и падает. Не только теперь нет желания подставить свою голову под пули, но появилось даже отвращение. Еду потому, что нужно, а не рвусь, как это было раньше. Здесь в тылу насмотришься всего. Офицерам вполне здоровым дают 3-х месячный отпуск, а на позицию посылают офицеров с ампутированной кистью. <...>Как только кончится эта война, я приложу все усилия к тому, чтобы сбросить с себя военную форму. Противно всё»¹⁰³. И вот уже происходит непоправимое. В письмах с фронта участники боёв открыто называют офицеров, бегущих с передовой «трусами». «К стыду нужно сознаться, что трусов-офицеров в нашем полку гибель. Каждый день стараются заболеть и улизнуть. У нас в боях выбыло три офицера, а заболевших ушло под разными предложениями около 24 человек. Есть роты, где командуют прапорщики»¹⁰⁴.

Разложение дисциплины и бегство под надуманными предложениями офицеров в тыл охватило к концу 1914 года и императорскую гвардию. Неизвестный¹⁰⁵ из Лейб-гвардии Волынского полка 6 января 1915 года писал в своём письме из Царства Польского командиру бригады 80-й пехотной дивизии генералу В. А. Житкевичу¹⁰⁶: «С начала боёв под Лодзью¹⁰⁷, то есть с 5 ноября до настоящего дня, полк без смены всё время на передовой позиции, то есть уже 3-й месяц. О потерях полка ты уже знаешь, могу лишь сообщить, что много удирающих, каковы: Добровольский¹⁰⁸, Тишевский¹⁰⁹, Яцемирский¹¹⁰ и другие. Все эти господа,

как удрали 8-го ноября под Лодзью, так где-то пропадают. Все они ездили в Питер хлопотать о назначении их в запасной батальон»¹¹¹.

И приведённые факты не единичны. На другом участке огромного русско-германского фронта в Восточной Пруссии помощник начальника санитарного отдела штаба 10-й армии В.П. Кравков писал в своём дневнике 8 ноября 1914 года точно об этом же: «Командующий нашей армией (Ф.В. Сиверс – *Н.П.*) ходит весьма хмурым и задумчивым. Вели речь о мерах, необходимых для ограничения усиленного стремления офицеров эвакуироваться в тыл»¹¹². Чтобы не попасть на передовую, для таких офицеров все средства были хороши, в том числе и симуляция. «Вчера <...>(2/15 декабря 1914 года – *Н.П.*) были еле-еле выпровождены на позиции из госпиталя офицеры со столь часто у них развивающейся болезнью *febris loderans*»¹¹³.

И в другом месте дневника, подводя итог своим горестным раздумьям о таких ловкачах, с болью и душевным надрывом В.П. Кравков пишет уже не о нарушении воинской дисциплины как таковой, а о нравственном разложении человека, одетого в офицерскую форму, и даже уже не человека, а шкурника и труса, презревшего славные боевые традиции русского офицерства, и о его явных или скрытых последователях, создававших в армии атмосферу моральной поддержки таких людей. Поддержки, которая переводила человеческие пороки в ранг добродетели, делая низкое обыденно правильным. Поддержки, которая, переворачивая мораль с ног на голову, превращала негодяя во вполне исполнительного офицера, но только подальше от фронта. И виной таким мыслям и таким действиям людей одетых в офицерскую форму являлся животный страх. Животный страх за свою жизнь. Страх, который они не смогли преодолеть, и который для этих людей оказался сильнее присяги, долга и любви к Родине. Во многом это было началом конца, конца, в который пока никто не мог и не хотел верить. «Молодцом <...>считают того, к[ото]рый каким бы то ни было подлыми средствами и путями, но лишь только бы добился тёплого местечка или такого назначения, к[ото]рое по сравнительн[ой] своей высоте возможно более бы контрастировало и не соответствовало убогости его служебных достоинств. Это ли не цинизм и не моральное растление?!»¹¹⁴. И думая обо всём этом невозможно не задать себе тяжкий вопрос: оказалось ли готово русское общество к войне морально? И задав его, не найти единственного, так необходимого в суровые годы военных испытаний однозначно верного ответа¹¹⁵.

Вину за начало этого морального разложения следует возложить не только на строевых офицеров и офицеров-окопников, но и на высшее руководство русской армии, которое само показывало примеры кумовства и непрофессионализма, чем подрывало моральный дух армии. «Среди моих превосходительных соседей по столу, – писал В.П. Кравков, – велись интимные разговоры; упоминалась фамилия Скоропадского¹¹⁶, удивлялись,

как ему дали какую-то крупную часть; оказывается – место было создано для него; “дело”, говорят, простое: поезжай в ставку Верховного главнокомандующего, если есть там заручка – дадут любое место¹¹⁷. <...>И передавалось это беседующими благодушным тоном, безо всяких признаков раздражения и возмущения, когда у меня всё нутро перевертывалось»¹¹⁸. Горько читать такие слова, непостижимо горько и нравственно непонятно. Потому что непонятно, была ли у этих людей, принимавших такие решения в Ставке, совесть, а в сознании и в душе ответственность перед порученным им делом огромной важности. Понимали ли они, что своими действиями разрушают армию, возвращая её во времена «лестницы чинов» феодальной родовитой службы, что в условиях современной технологической войны являлось катастрофой, гибелью для армии, для страны.

Для подполковника Д.Н. Постникова, как и для погибшего капитана К.Н. Лоренца, как и для попавших в плен подполковника Я.И. Энгельмана и капитана Гернета, как и для раненого подпоручика Васильева, как и для многих других офицеров и солдат 98-го Юрьевского полка все эти мысли и рассуждения были никчёмными, а действия предательскими, и поэтому невозможными для понимания¹¹⁹, и тому порукой был их бой у деревень Штрёпкен и Клейн Даркемен 15/28 и 16/29 ноября 1914 года. И именно такие люди, несмотря ни на что, дрались с врагом и здесь в Восточной Пруссии, и на других участках фронта. И благодаря им, а не шкурникам всех мастей Россия так долго могла противостоять австро-германскому натиску¹²⁰.

Ночь с 16/29 на 17/30 ноября 1914 года. Позиции 98-го Юрьевского полка. Восточнее города Даркемен.

Ночь с 16/29 на 17/30 ноября стала последней на передовой для подполковника Д.Н. Постникова, для его батальона, как и для всего 98-го Юрьевского полка. Холодным, промозглым вечером 16/29 ноября, в непроглядной тьме, «юрьевцев» на позициях сменил 100-й пехотный Островский полк¹²¹. Темнота была той единственной и естественной маскировкой, которая спасала жизни солдат на войне.

Уже сменившись, роты Юрьевского полка строились в полковую колонну тут же, за линией окопов. Здесь солдаты могли распрямиться, спрятавшись от немецкого огня за гребнем пологого пригорка, тянувшегося вдоль позиций. Но теперь, когда солдаты покинули окопы, укрывавшие и спасавшие их от смерти столько дней, они вдруг почувствовали себя незащищёнными, доступными для врага, который был невидим в окружающей тьме. И темнота здесь, у линии фронта, стала казаться им уже не спасением, а предательски враждебным, таящем в себе смертельную опасность, пространством. Такое чувство всегда появлялось у человека ночью у линии фронта. Само по себе оно было иррационально,

ГЛАВА 2

Русского солдата нужно застрелить два раза,
а потом ещё и толкнуть, чтобы упал.
Прусский король Фридрих II.

Сообщение от русского командования.

31 декабря (13 января 1915 года). На левом берегу Вислы попытки немцев атаковать отдельные участки нашего расположения легко отбиты. На прочих фронтах без перемен⁶²⁵.

1 (14) января 1915 года. Попытки немцев перейти в наступление на левом берегу Вислы с успехом отражены нашими войсками⁶²⁶.

Сообщение из Главной Штаб-квартиры германской армии.

На восточном театре военных действий:

13 января 1915 года (31 декабря 1914 года). Вчера ситуация на востоке оставалась без изменений⁶²⁷.

14 (1) января 1915 года.

В Польше на западном берегу Вислы продолжались наши атаки⁶²⁸.

Германская сторона после окончания Лодзинской операции и декабрьских боёв на Бзуре и Равке прочно завладела стратегической инициативой в центральной Польше. Но при этом, несмотря на все предпринятые германским командованием титанические усилия разгромить в конце ноября и в течение декабря 1914 года на варшавском направлении русские войска, немцам не удалось достичь поставленной цели. Русские дрались самоотверженно. Оборона 1-й и 2-й русских армий, несмотря на все недостатки в её организации⁶²⁹, не была прорвана противником. Ударным группировкам 9-й германской армии продолжал противостоять сплошной организованный фронт обороны русских войск, уплотняемый вводом в сражение новых сил и средств. В результате германское наступление развивалось медленно, и продвижение вперёд стоило противнику значительных потерь⁶³⁰. При этом наступательные возможности немецких войск были не безграничны, и рано или поздно должны были быть исчерпаны. Такое положение дел не могло удовлетворять Верховное командование германской армии на Востоке в лице П. Гинденбурга и Э. Людендорфа. Исходя из сложившихся реалий, П. Гинденбург и Э. Людендорф решили взять короткую оперативную паузу и разработать новый план ведения зимней кампании 1915 года.

В основу плана была положена стратегическая идея переноса основных военных действий германской армии с Западного фронта на восток. Понимая, что русское командование уже привыкло к постоянному давлению немецких войск на Варшаву по центру, из района Бзуры и Равки, П. Гинденбург и Э. Людендорф предложили отказаться от продолжения генерального наступления на Варшаву и взамен нанести два одновременных сходящихся удара на флангах, по основаниям польского выступа: из Восточной Пруссии и из Карпат⁶³¹ следствием чего должен был стать разгром русских армий в Польше и выход России из войны⁶³². Более конкретная оперативная задача, которую ставило перед собой германское командование, была несравненно менее масштабной. В случае провала наступления австро-венгерской армии в Карпатах, нанести силами 8-й и 10-й немецких армий в Восточной Пруссии поражение 10-й русской армии⁶³³. Что же касается варшавского оперативного направления, то по замыслу П. Гинденбурга и Э. Людендорфа оно приобретало второстепенный, вспомогательный характер. Здесь планировалось нанести отвлекающий удар, чтобы, сковав значительные силы противника, лишить его необходимых резервов и возможности манёвра на других участках фронта, прежде всего в Восточной Пруссии⁶³⁴.

Действуя в рамках единого стратегического плана, П. Гинденбург и Э. Людендорф усиливали свою группировку в Восточной Пруссии, перебросив в эту германскую провинцию резервы из состава 9-й армии А. Макензена⁶³⁵. В целом из состава 9-й немецкой армии с варшавского направления на другие участки фронта «с 1 января до начала февраля, было переброшено шесть пехотных и две кавалерийские дивизии»⁶³⁶. В предпринятых шагах германского штаба на Востоке отчётливо прослеживалась его уверенность в своих силах, которая основывалась на трезвой оценке текущего оперативного положения, его всестороннего анализа, на твёрдой вере в свои войска, на их выучку и стойкость, на возможность эффективного использования густой сети железных дорог для переброски войск. Все проведённые мероприятия по планированию зимней кампании 1915 года воочию показали, что германское командование ни на мгновение не сомневалось, что оно и дальше будет непрерывно навязывать свою волю противнику не только в стратегическом, но и в оперативном и в тактическом масштабах. Это был ровно тот образ мысли, которого так не хватало русской Ставке. Всё это вместе взятое позволяло П. Гинденбургу и Э. Людендорфу смело маневрировать оперативным составом войск, концентрируя их на нужном направлении.

Получив из резерва Верховного главнокомандования четыре корпуса и тем самым значительно усилив свою группировку на русском фронте, П. Гинденбург и Э. Людендорф приступили к осуществлению своего стратегического плана. Согласно плану первым наносился

вспомогательный удар из района Болимова на Варшаву. Несмотря на отвлекающий характер наступления, командующий германскими войсками на Востоке генерал П. Гинденбург и его начальник штаба генерал Э. Людендорф подошли к планированию операции на «Болимовском пяточке» со всей серьёзностью. Чтобы легче взломать оборону противника, удар планировалось нанести в стык 1-й и 2-й русских армий, на пространстве протяжённостью всего около 10 километров⁶³⁷, по операционной линии Боржимов – Гумин – Воля Шидловская – Могелы. При этом основным местом прорыва русской обороны был выбран участок фронта в районе Гумина и Воли Шидловской⁶³⁸. За этим решением командования 9-й германской армии просматривалась важная стратегическая цель. Деревня Гумин и находящаяся рядом Воля Шидловская являлись ключевыми пунктами русской обороны. Но что ещё более значимо, через Гумин проходила стратегическая дорога, соединяющаяся севернее в Тересине с шоссе Сохачев – Варшава. Расстояние от Гумина до Тересина было всего около 18-20 километров. Прорыв русской обороны на этом направлении представлял собой чрезвычайную опасность, ибо давал возможность беспрепятственного движения немецких колонн глубоко в тыл войскам 1-й русской армии и одновременного охвата крайне правого фланга 2-й армии, открывал немцам путь на Варшаву. Именно поэтому в случае успеха конечной целью «демонстрации» ставилась не частная задача – прорыв русской обороны, а «наступление в восточном направлении далее за Суха»⁶³⁹, на Варшаву⁶⁴⁰. В целом задуманная операция не отличалась новизной военной мысли, в ней отчётливо просматривалась прежняя наступательная тактика П. Гинденбурга и Э. Людендорфа – прорыв обороны на узком участке фронта, глубокое вклинение в тыл войск противника, преимущественно вдоль хороших дорог, охват противника с флангов. Точно так действовали П. Гинденбург и Э. Людендорф в Лодзинской операции, Ловическом, Пабяницком и других сражениях.

Исходя из замысла германского командования к исходу января 1915 года для удара по линии населённых пунктов Боржимов – Гумин – Воля Шидловская – Могелы была сформирована мощная оперативнотактическая наступательная группировка в составе трёх корпусов (XVII-го, XIII-го и I-го резервного корпуса), в первой линии наступления находилось 7 дивизий (26-я, 35-я, 36-я, 4-я пехотные дивизии и 1-я, 49-я и 36-я резервные дивизии)⁶⁴¹. Здесь же к 17/30 января 1915 года немцы сосредоточили 92 батареи, в том числе 40 батарей тяжёлой артиллерии, общим числом более 500 орудий⁶⁴², из них 150 тяжёлых орудий⁶⁴³, среди которых своей мощностью выделялись 2 австрийские 305-миллиметровые мортиры⁶⁴⁴. Оперативная плотность немецких войск на направлении главного удара на Равке достигала 1,5 - 2 вёрст на одну дивизию⁶⁴⁵ и 60 орудий на километр⁶⁴⁶. Ещё никогда в ходе войны германское

командование не создавало столь мощной артиллерийской группировки для решения частных задач на отдельном участке фронта⁶⁴⁷. 18/31 января 1915 года, когда началось немецкое наступление, интенсивность огня на этом участке была огромной. Тогда ежечасно на русские позиции падало 24 тысячи снарядов⁶⁴⁸, среди которых были и 18 тысяч снарядов с ксиллилбромидом⁶⁴⁹. В районе прорыва русской обороны у Гумина и Воли Шидловской германское командование смогло создать трёх-четырёхкратное превосходство в силах⁶⁵⁰.

Кроме того, у немецких передовых частей на вооружении находились бомбомёты⁶⁵¹ и огнемёты⁶⁵². Был пополнен боекомплект патронов⁶⁵³ и снарядов. Вся эта огневая мощь должна была обеспечить надёжное подавление русской обороны (разрушение оборонительных сооружений, уничтожение живой силы противника) и быстрый прорыв в глубину. 14/27 января 1914 года⁶⁵⁴ германское командование установило дату начала наступления на «Болимовском пяточке» – 18/31 января. Последний день января по григорианскому календарю.

В отличие от детально разработанного плана германского командования в Ставке русского командования, у командования фронтов к январю 1915 года не было общего понимания, того, какие шаги предпринять в результате сложившегося на фронте положения. В конце 1914 года, в условиях имеющегося лимита времени, план предстоящих операций ещё не имел не только общих очертаний и согласованных положений, но всё ещё находился на уровне дискуссий между Ставкой и штабами Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, что значительно замедляло выработку и принятие решений и разительно отличало русскую Ставку от германского командования на Востоке в деле стратегического планирования и волевого начала.

Первым шагом к выработке общего плана действий на предстоящий 1915 год стала записка генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего генерала Ю.Н. Данилова от 3/16 января 1915 года. Суть его взглядов в записке сводилась к тому, что в сложившихся условиях, когда армии катастрофически не хватало снарядов, а также стрелкового оружия и патронов, когда на лицо был огромный некомплект личного состава⁶⁵⁵, необходимо было отказаться от принятого ранее плана вторжения в центральную Германию и в Австро-Венгрию и сконцентрироваться на менее масштабных, но больше отвечающих реальности наступательных действиях русской армии. Причём планируемое наступление по мысли Ю.Н. Данилова должно было иметь не только оперативное, но и стратегическое значение. Исходя из этого, Ю.Н. Данилов предложил нанести удар по Восточной Пруссии из Польши с линии реки Нарев и с правого берега Вислы в направлении Сольдау⁶⁵⁶ – Ортельсбург⁶⁵⁷, с целью «овладения Восточной Пруссией»⁶⁵⁸. В случае

успеха, потеря Восточной Пруссии имела бы для Германии не только военно-стратегические (ликвидация удобного плацдарма для захвата русской Польши и вторжения вглубь России через Прибалтику и Белоруссию), но и военно-политические последствия – это перенос военных действий на территорию Германии, что, памятуя победу под Гумбинненом, вызвало бы панику в Германии, нанесло бы удар по национальной гордости немцев, которые считали, что ни один вражеский солдат не должен вступить на землю Рейха.

План был озвучен Ю.Н. Даниловым на совещании представителей Ставки и командования Северо-Западного фронта, проходившего в Седлеце 4/17 января 1915 года. Несмотря на убеждение Н.В. Рузского, полагавшего, что германское командование продолжало считать своей главной целью захват Варшавы, и поэтому продолжит наступление на Бзуре и Равке⁶⁵⁹, Н.В. Рузский всё же согласился на вторжение в Восточную Пруссию. Для решения поставленной задачи должны были быть задействованы силы 10-й и создаваемой на реке Нарев новой 12-й армии. Командующим новой армией назначался П.А. Плевел. В случае, если бы немцы ударили первыми на этом направлении⁶⁶⁰, то 12-я армия сыграла бы оборонительную функцию. Несмотря на правильно принятое решение создать на направлении предполагаемого удара оперативно-тактическую группу в лице 12-й армии, Ставкой во всех деталях не была продумана готовящаяся операция. Формирование 12-й армии по мысли Ставки должно было «вызвать перегруппировку германских сил в Восточной Пруссии в надежде на то, что при такой группировке можно будет обнаружить ослабление германцев в некоторых районах, куда и можно будет направить наши усилия для прорыва неприятельского расположения и дальнейшего развития успеха в этом направлении»⁶⁶¹. А само наступление 12-й армии в Восточную Пруссию «по всем вероятностям может вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и может быть из района 10 армии»⁶⁶².

Как видно, Ставкой были выработаны только общие положения, без постановки конкретных целей и задач. Более того, из принятой Ставкой директивы создавалось впечатление, что Ставка изначально не рассчитывала на успех на этом направлении, что командованию не хватало решительности, оно колебалось, и поэтому в директиве не ставилась задача разгрома германских армий на восточно-прусском театре военных действий. Тогда каким образом мыслило высшее русское командование захват Восточной Пруссии, совершенно непонятно.

Половинчатость, неопределённость положений директивы Ставки противоречили важнейшему правилу военного искусства – наступление планируется для того, чтобы одержать победу над противником, разгромить и уничтожить его. Именно этот посыл отсутствовал в директиве, что, несомненно, подрывало веру армии в способность высшего

командования принимать единственно правильные решения и в целом управлять войсками, а в конечном итоге подрывало боевой дух русской армии.

Для достижения решающего успеха на восточно-прусском направлении Ставкой не были предприняты все необходимые шаги. Не было создано двух-, трёхкратного превосходства в силах⁶⁶³. Не налажено боевое обеспечение войск всем необходимым, что в тех условиях некомплекта личного состава и нехватки боеприпасов сделать было крайне сложно. Не было запланировано проведение на других участках фронта, объединённых одним стратегическим замыслом с действиями 10-й и 12-й армий, частных наступательных операций, имевшим одну общую цель – сковать с помощью отвлекающих ударов, находившиеся на этих участках фронта силы противника, а значит не допустить переброски немецких войск на направление, где Ставкой планировалось генеральное наступление⁶⁶⁴. Это были ровно те действия, которые провело германское командование перед началом зимней кампании 1915 года на Русском фронте, но не смогла осуществить Ставка.

Одновременно в преддверии предстоящих боев требовалось целеустремлённо совершенствовать боевую выучку войск, повышать профессиональные качества командного состава⁶⁶⁵. А именно, проводить тактическую подготовку, отрабатывать приёмы взаимодействия армий, частей, подразделений, боевых порядков, солдат в условиях наступательного и оборонительного боя⁶⁶⁶, проигрывать на занятиях с генералами и офицерами отдельные этапы боя, рассматривать вопросы взаимодействия на местности, что не было сделано. Как показали будущие бои, это были те вопросы, к решению которых командный состав, начиная с командующих армиями, корпусов и заканчивая командирами батальонов, оказался не готов⁶⁶⁷, что во многом предопределило исход сражений в зимнюю кампанию 1915 года, в том числе в январском наступлении немцев на Равке.

Симптоматично, что совещание в Седлеце проходило без участия командования Юго-Западного фронта. Это подрывало доверие между Ставкой и командованием фронта, показывало, что в условиях войны в высших военных кругах продолжал действовать принцип келейности, что не способствовало росту авторитета Ставки. При этом Ставка по-прежнему не брала на себя функции единоначалия и позволяла командующим фронтами действовать часто самостоятельно, не согласовывая с ней свои планы⁶⁶⁸. Это приводило и не могло не привести к соперничеству между командующими и штабами обоих фронтов, разобщало генералитет, культивировало нездоровую обстановку в высших армейских кругах, не улучшало управляемость армией, не создавало столь необходимого оперативно-стратегического взаимодействия фронтов, что в условиях войны имело самые роковые, тяжёлые последствия на ход боевых

действий. В условиях жёсткого дефицита материальных и военных ресурсов такая келейность приводила к нерациональному и даже губительному расходованию имевшихся в армии средств. Не зная о планах Ставки, командование Юго-Западного фронта разработало свой план наступления с целью разгрома австро-германских войск в Карпатах и на подступах к Кракову с последующей оперативной задачей выхода на венгерскую равнину, задействовав для этого немалые ресурсы.

Все перечисленные недостатки в планировании предстоящих операций и в управлении войсками не позволили Ставке сконцентрировать необходимые силы на одном восточно-прусском стратегическом направлении, создать здесь мощный ударный кулак для решения поставленной задачи. Своими действиями Ставка показала неспособность настоять на своём мнении при принятии необходимого решения, умело выбрать направление главного удара, создать единый план предстоящей кампании 1915 года и саккумулировать для этого все необходимые ресурсы. Наоборот, имеющиеся силы и средства были распланы между двумя фронтами⁶⁶⁹. И что ещё более печально, Ставка не сумела своевременно разгадать планы германского командования, которое наметило нанести удары по основаниям «польского балкона», а значит вовремя противодействовать этим замыслам. В условиях войны это означало только одно – высшее руководство русской армии не смогло навязать свой план действий противнику, а значит, как ни тяжело это признать, было вынуждено следовать за волей и логикой действий германского командования. Все эти просчёты стратегического планирования Ставки очень скоро привели к трагедии в Августовских лесах⁶⁷⁰.

Оборону на намеченном германским командованием участке прорыва на Равке держал VI-й армейский корпус (командующий генерал В.И. Гурко) 2-й армии генерала В.В. Смирнова. Ставка располагала сведениями о готовившемся немецком наступлении⁶⁷¹ и усиливала корпус резервами. Если в конце декабря 1914 года численность корпуса составляла 32513 штыков, то на 19 января /1 февраля уже 36920 человек⁶⁷². В ходе боёв корпус продолжал пополняться новыми частями. В результате к окончанию сражения под началом В.И. Гурко находилась группировка в составе 11 дивизий⁶⁷³. В.В. Смирнову и В.И. Гурко оставалось только грамотно распорядиться имевшимися в их наличии силами для обороны вверенных им позиций и участка фронта. Однако именно этого не произошло, ибо ни командованием 2-й армии, ни командованием VI-го армейского корпуса не был проведён весь комплекс необходимых мероприятий по организации войск, по координации управления вверенных им частей, по созданию насыщенной обороны и общего плана предстоящего оборонительного сражения.

Перед началом битвы за Гумин и Волю Шидловскую ни В.В. Смирнов, ни В.И. Гурко не провели совещания с начальниками дивизий и с командирами других частей, на котором окончательно были бы оформлены зрелые мысли в реальные положения, чётко и однозначно поставлены боевые задачи частям, озвучен порядок их выполнения, согласовано оперативное взаимодействие дивизий во время боевых действий. Не был отдан приказ об укреплении позиций в инженерном отношении, о создании заблаговременно подготовленной системы огня в соответствии с предстоящими задачами оборонительного боя⁶⁷⁴. Созданные оборонительные укрепления оказались не способны выдерживать массированные удары артиллерии. Окопы не были углублены и не могли служить надёжным укрытием в преддверии ожидаемой мощной артиллерийской подготовки немцев⁶⁷⁵. Не были прорыты в достаточном количестве, а местами вообще отсутствовали, ходы сообщений между линиями окопов. В результате уже во время сражения подкрепления, боеприпасы, питание приходилось доставлять на передовую ползком по открытой, простреливаемой артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём местности⁶⁷⁶, что влекло за собой значительные потери в личном составе обороняющихся частей. Все эти недостатки говорили только об одном, на участке ответственности корпуса не была создана инженерная оборона, которая бы отвечала всем требованиям военного искусства.

Построение войск в обороне корпуса не было продумано. Резервы не были сосредоточены на важнейших направлениях возможных операционных действий. В ходе грядущего оборонительного боя не был тщательно подготовлен манёвр силами и средствами из глубины и с неатакованных участков на угрожаемые направления. Единственно, что было сделано командованием корпуса, так это была доведена до начальников дивизий телеграмма командующего 2-й армией генерала В.В. Смирнова от 16/29 января 1915 года о готовящемся наступлении немцев⁶⁷⁷. А весь план предстоящего боя корпусное начальство вместило всего лишь в одно предложение: «В виду ожидания общего наступления немцев в ближайшие дни приказано, во что бы то ни стало удерживать занимаемые ныне позиции»⁶⁷⁸.

Кроме того, В.И. Гурко не увидел в винокуренном заводе Воли Шидловской центральный узел и главный опорный пункт всей обороны его шестикилометрового участка фронта, и поэтому завод оказался укреплен не в должной мере. А между тем винокуранный завод сам по себе уже представлял естественную укрепленную позицию. «Местность перед позицией противника на фронте госп[одского] двора Воля Шидловская – высота 45,8 и к северу представляет открытую равнину, гладкую как скатерть, и перерытую (дренажными – *Н.П.*) канавами, идущими в направлениях преимущественно с востока на запад и севера на

юг», – писал в реляции о боях за Волю Шидловскую командующий 25-й пехотной дивизии генерал-майор М.А. Соковнин⁶⁷⁹, – «<...>Открытая местность ровная, вся под обзором и обстрелом противника до крайности затруднила атаку с фронта. Г[осподский] дв[ор] Воля Шидловская представляет из себя четырёхугольник обнесённый с северной и восточной сторон большим валом с канавой перед ним, провололочной и живой (из кустарника и деревьев – *Н.П.*) изгородью»⁶⁸⁰. По словам самого В.И. Гурко это был «естественный форт»⁶⁸¹.

Севернее Воли Шидловской находилась деревня Гумин, через которую проходило шоссе на восток, к Варшаве. Между Волей Шидловской и Гумином (шоссе) господствовала высота 98. Далее на север от Гумина была расположена другая высота 95, защищённая с севера деревней Доловатка. Один взгляд на карту давал понимание важности этих опорных пунктов для всей обороны данного участка фронта. Высоты и винокуренный завод позволяли держать под перекрёстным огнём всё пространство от Доловатки до Воли Шидловской. Это понимало командование 9-й немецкой армии, которое именно здесь и нанесло свой главный удар. Понимало это и командование 2-й русской армией. В разгар битвы за Гумин и Волю Шидловскую 21 января/3 февраля 1915 года в разговоре по телеграфу начальника штаба 2-й армии генерал-майора Л.Л. Кондратовича⁶⁸² с генерал-квартирмейстером штаба Северо-Западного фронта М.Д. Бонч-Бруевичем⁶⁸³ Л.Л. Кондратович докладывал, что необходимо вернуть потерянный винокуренный завод «из которого неприятель поражает во фланг части и Милеанта⁶⁸⁴, и Захарова⁶⁸⁵»⁶⁸⁶. Но как видно, не до конца понимал командующий VI-м армейским корпусом генерал В.И. Гурко. Он не смог насытить этот стратегический участок всеми необходимыми для обороны силами и инженерными сооружениями, чтобы как можно эффективнее противостоять наступающим частям противника, и, прежде всего, не смог умело управлять наличными силами, организовывая подготовленные контрудары вторых эшелонов и резервов, чтобы лишить противника инициативы и выбить его с захваченных позиций.

По прошествии многих лет пытаюсь оправдаться, почему был оставлен такой важный стратегический пункт обороны, как винокуренный завод Воли Шидловской, В.И. Гурко напишет в своих мемуарах, что удержать эту позицию было невозможно. «Должен ещё отметить, – утверждает В.И. Гурко, – что мы поставили себя в крайне невыгодное положение, упорствуя при защите каменного винокуренного завода, капитальных амбаров и тому подобных строений. <...>Дело в том, что при этом наши солдаты получали многочисленные ранения не только от осколков снарядов, выпущенных из германских тяжёлых орудий, но также и от многочисленных обломков камней и кирпича, вырывааемых взрывами из стен. Напротив, положение германцев, занявших наши прежние позиции,

было совершенно иным, поскольку в то время во всем моём корпусе не имелось ни одного тяжёлого орудия, а лёгкая полевая артиллерия была слишком слаба для разрушения каменных зданий»⁶⁸⁷. В этом заявлении В.И. Гурко откровенно лжёт. Он неуклюже пытается снять с себя обвинения в ошибке, совершённой им при планировании оборонительной операции на участке фронта VI-го армейского корпуса, и в целом в неумелом руководстве войсками, давая понять, что осколки каменных зданий и кирпичей, разлетающиеся от разрывов снарядов, стали определяющей, главной причиной оставления русскими частями винокуренного завода. Более нелепого утверждения от военачальника трудно себе представить. Получается, что немцы, занявшие завод, не страдали от осколков, выбиваемых снарядами из стен при обстреле их позиций русской артиллерией. Тем более что завод, несмотря на утверждение В.И. Гурко, обстреливала не только лёгкая, но и тяжёлая русская артиллерия. В Журнале военных действий VI-го армейского корпуса за 19 января/1 февраля 1915 года отмечено, что «огонь нашей артиллерии, как лёгкой, так и *тяжёлой* (курсив мой – *Н.П.*) направлен на г[осподский] дв[ор] Воля Шидловская»⁶⁸⁸. Более того, благодаря огню русской артиллерии в Воле Шидловской вспыхнул сильный пожар⁶⁸⁹, что многократно усложнило положение немцев. Что здесь можно сказать. Только одно. Построив свои оправдания на лжи, В.И. Гурко предал память солдат, сражавшихся и погибших на развалинах винокуренного завода. Если бы они знали в свой смертный час, как низко и подло поступит с ними их командир корпуса.

В ходе сражения за Гумин и Волю Шидловскую на поле боя неоднократно возникала сложная и быстро меняющаяся обстановка, которая требовала со стороны командующего корпуса В.И. Гурко твёрдого и непрерывного управления войсками, быстроты мысли и правильного принятия решений. Однако в самый разгар сражения В.И. Гурко неожиданно сказался больным, что поставило в крайне тяжёлое положение сражающиеся войска. Недомогание В.И. Гурко вынудило командование 2-й армии поставить вопрос о его замене. 19 января/1 февраля в штаб Северо-Западного фронта была отправлена телеграмма:

«Генерал Смирнов приказал передать следующее: генерал Гурко сообщил, что он чувствует недомогание, опасается выбыть из строя, но пока работать может. На всякий случай необходим заместитель. Командующий армией полагает естественным заместить, когда будет нужно генерала Гурко командиром 6 Сиб[ирского] корпуса (генералом Васильевым⁶⁹⁰ – *Н.П.*) и испрашивает разрешение об этом у главнокомандующего»⁶⁹¹.

Было ли это недомоганием, нервным срывом, или это было проявлением малодушия со стороны командующего корпуса, что случалось и раньше с командным составом русской армии, например, в ходе Лодзинской

операции, теперь уже не узнать⁶⁹². Но одно известно точно, к 21 января/3 февраля 1915 года В.И. Гурко «выздоровел» и продолжил руководить корпусом⁶⁹³. Скольких жизней солдат и офицеров стоила его неожиданная «болезнь» в критические часы сражения, когда в условиях боя командиры дивизий и полков потеряли веру в вышестоящее командование, а порою и не могли принять необходимые решения из-за паралича в управлении корпусом⁶⁹⁴, неизвестно, но понятно, что их было множество. Множество солдат и офицеров, ответственность за жизнь которых с В.И. Гурко никто не снимал, и которые погибли из-за безволия командования. Для своих родных они не были ни солдатами, ни офицерами, а были самыми близкими людьми. И что сказал бы в своё оправдание командующий VI-м армейским корпусом генерал от кавалерии, пятидесятилетний Василий Гурко, если бы смог посмотреть в глаза жёнам, матерям и сёстрам убитых в те дни солдат? Это был вопрос его совести.

Так по разному приготовились к предстоящему сражению на берегах Равки обе противостоящие стороны, отчётливо понимая, что совсем скоро здесь разыграется кровавая битва, в которой 7 немецких дивизий смогут сковать у Гумина и Воли Шидловской 11 русских дивизий, группировку сил, превышающую немецкую в 1,5 раза⁶⁹⁵.

Ночь на 15/28 января 1915 года. Позиции у деревни Гумин.

В ночь на 15/28 января 1915 года 1-я бригада 25-й пехотной дивизии сменила 3 полка 55-й пехотной дивизии южнее деревни Гумин⁶⁹⁶, на «фронте протяжением 3 ½ версты»⁶⁹⁷. 98-й Юрьевский полк в составе 3 батальонов (1915 солдат, 28 офицеров, 7 пулемётов)⁶⁹⁸, занял окопы 219-го Котельнического и 15-го Шлиссельбургского пехотных полков. Правее, прикрывая фланг «юрьевцев», расположился 97-й Лифляндский полк⁶⁹⁹. На следующий день 16/29 января из штаба VI-го армейского корпуса пришло сообщение, что немцы готовятся перейти «в общее наступление в ближайшее время»⁷⁰⁰. Это были верные сведения. Одним из мест прорыва германское командование наметило район Гумина. Но тогда, в ту январскую ночь, при смене никто из офицеров и солдат Юрьевского полка ещё не знал, да и не мог знать, что именно им, всего лишь через двое суток, придётся принять на себя главный удар. Удар страшной силы, начавшегося немецкого наступления, запланированного германским командованием на 18/31 января 1915 года⁷⁰¹, и что проведённая смена частей на передовой у Гумина, по сути, уже разделила всех их, оставшихся на позициях и ушедших в тыл, на живых и убитых.

17/30 января 1915 года. Начало десятого утра. Позиции 98-го Юрьевского полка южнее деревни Гумин⁷⁰².

«В начале десятого часа утра»⁷⁰³ немцы, и так постоянно обстреливавшие русские позиции в этом секторе⁷⁰⁴, начали массированную

Содержание

ОТ АВТОРА.....	3
ГЛАВА 1.....	4
ГЛАВА 2.....	79
ПРИМЕЧАНИЯ.....	112
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	230
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	240
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	278
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	291

Научное издание

Постников Николай Дмитриевич

УБИТЫЕ НА РАВКЕ

Компьютерная вёрстка – *Д.А. Заботина*
Корректурa авторская

Подписано в печать: 08.05.2018 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.
Усл. п. л. 18,5, уч.-изд. л. 18,25.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–20). Заказ № 24/Е.

Изготовлено в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru